
Николай ПЕРЕЯСЛОВ

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

Я — ВНУК КАРЛА МАРКСА!

Помню, как много лет тому назад мама рассказывала мне и моей сестре Таньке о своем детстве. Мы тогда и сами еще были детьми, не видевшими в жизни ничего, кроме лежавшей за нашими окнами улицы шахтерского городка на краю Донбасса, а потому ее рассказ о неведомых нам казахских просторах слушали с повышенным интересом и трепетом.

Родилась мама в селе Георгиевка Семипалатинской области Казахской ССР, являющемся административным центром Жарминского района — большом многонациональном степном селении, в котором проживали (и проживают сегодня) русские, немцы, украинцы, казахи и болгары. Мамина мама — Наталья Дмитриевна Попова — была русской, а отец происходил из казахстанских немцев, звали его Карл, а фамилию она не помнит. Помнит только, что у него были большие, закрученные кверху, как у Буденного, пшеничные усы, которыми он щекотал ей щеки, когда брал на руки и прижимал к себе... До 1929—1930 года он работал кем-то вроде начальника молокоприемного пункта или небольшого молокозаводика, а в 1929—1930 году выехал на свою историческую родину в Германию. Он хотел впоследствии вывезти к себе и всю свою семью, но пока оформлял в Германии необходимые для вызова за границу документы, Наталья заболела и умерла, и, таким образом, мама вдруг осталась сиротой. Поскольку никакой другой родни у нее в Георгиевке не было, то ее вместе со старшим братом Григорием поместили в Георгиевский детский дом, где она и жила, пока не окончила то ли семь, то ли восемь классов.

Наталья Дмитриевна, которую в селе называли *Пивоваршей* (возможно, за то, что она варила дома пиво, а возможно, это было отзвуком фамилии ее первого мужа — Пивоварова?..) или *Карлычиной* (по имени ее мужа Карла), работала сначала уборщицей в сельсовете, а потом, после отъезда Карла и вплоть до своего вступления в колхоз «Расцвет» в январе 1930 года, была батрачкой. Судя по тому, что вскоре после этого вступления Наталья в 1932 году умерла, то она словно чувствовала свою близкую кончину и сделала этот шаг исключительно ради того, чтобы ее дети остались под заботой государства.

Жизнь тогда была голодная, детдомовцам все время хотелось есть, и это вдвойне углубляло ощущение сиротства, заставляя детей мечтать о чуде обретения родителей.

Николай Владимирович Переяслов родился в 1954 году. Поэт, критик, прозаик, переводчик стихов национальных и зарубежных поэтов. Член Союза журналистов Москвы, Международной федерации журналистов, Международной ассоциации писателей и публицистов, а также Славянской литературной и артистической академии в Варне. Автор свыше 40 книг различного жанра, а также публикаций в газетах, журналах и альманахах России, Беларуси, Молдовы, Казахстана, Украины, Армении, Грузии, Болгарии, США, Германии и других стран. Лауреат литературных премий им. Р. Гамзатова, М. Лермонтова, В. Хлебникова и других; победитель конкурса переводов тюркской поэзии «Ак Торна» и конкурса «Пророк Мухаммад — милость для миров», проводимого Советом муфтиев России. Живет в Москве.

В одном из школьных классов Георгиевского детдома, рассказывала мама, висел портрет представительного седобородого мужчины, про которого она от кого-то случайно услышала, что его зовут — Карл Маркс.

— Я як почула, шо його звать Карлом, так сразу й подумала, шо то — мий батько. Мэни ж сказаны, шо мое отчество Карловна, от я й решила, шо раз вин — *Карл*, а я — *Карловна*, то выходить, шо я — його дочка. Зайду, бувало, в клас, стану мовчки пэрэд портрэтом та й дывлюсь на його... Довго-довго дывлюсь. Думаю, чога ж вин нэ забэрэ мэне отсюда, шоб я тут нэ голодала? — со вздохами вспоминала она, ласково глядя нас с Танькой по замершим от внимания головкам.

И хоть я к тому времени уже знал откуда-то (в советское время это знали даже дети), что Карл Маркс — это вождь мирового пролетариата, но слушая раз от разу эту трогательную историю и видя перед своим мысленным взором плачущую перед Карловым портретом мою маленькую маму, я как-то незаметно для себя тоже начал подсознательно относиться к автору «Капитала» как к потерявшемуся на просторах эпохи маминому отцу и, соответственно, своему далекому дедушке Карлу. А поскольку детские впечатления, как известно, являются самыми сильными и остаются в памяти на все последующие годы, то я с той поры так и иду по жизни, тайно осознавая себя в глубинах своей души внуком теоретика социалистической революции. И, может быть, именно поэтому я, несмотря ни на какие развенчивания социализма, так до сих пор и не смог предать идеи своего дедушки и перечеркнуть его великое учение...

ПОДАРОК ИЗ СУХИНИЧЕЙ

В конце августа мы с поэтом Юрием Лопусовым и его женой Татьяной сели на Киевском вокзале в купейный вагон 47-го поезда и в 19.30 выехали из Москвы в Тирасполь. За чаем, разговорами и чтением стихов не заметили, как миновали Московскую область и за окнами вагона сгустилась черная августовская ночь. Почувствовав накопившуюся за день усталость, я забрался на верхнюю полку и, слушая, как колеса на стыках выбивают синкопы таинственной мелодии, машинально начал заполнять ее текстом какого-то рождающегося стихотворения: «Приднестровье рифмуется с кровью, / с безответной к России любовью, / с неустройством судьбы и — не скрою — / с остро в сердце саднящею болью...» Незаметно для самого себя я задремал и ненадолго выпал из реальности...

Очнулся я от окутывавшей меня тишины и понял, что поезд стоит на станции. Часы на руке показывали полночь, я свесился головой с полки, отогнул занавеску и выглянул в окно... И в ужасе отшатнулся! По перрону, четко оттененные светившими со стороны вокзала фонарями, грузно покачиваясь из стороны в сторону, прогуливались вдоль вагонов какие-то страшные двухметровые монстры с торчащими над их головами полуметровыми то ли ушами, то ли рогами. С изумлением всмотревшись в это жутковатое видение, я тихо рассмеялся и спрыгнул вниз. Слава богу, это оказались не чудовища, а обыкновенные люди, на груди и спине которых висели огромные мягкие игрушки: медведи, куклы, черепахи, собаки, а на плечах сидели большущие ушастые зайцы.

— Что это за станция? — выйдя в тамбур, поинтересовался я у стоящей на перроне проводницы.

— Сухиничи, — сказала она и сурово предупредила: — Сейчас уже отправляемся.

Но я все равно спустился на перрон и подошел к одной из торговых. На ее шее висели целые связки всевозможных тряпичных, плюшевых, меховых, говорящих, пищущих и немых игрушек, а на руках она держала двух крупных белоснежных длинношерстных кошек. У одной из них голова была повернута налево, у другой — направо.

— Почему кошки? — спросил я, вспомнив, что 4 сентября — день рождения у моей дочки Алинки, и надо привезти ей из командировки подарок.

— Двести пятьдесят рублей.

Я полез в карман и вдруг с досадой вспомнил, что деньги остались в пиджаке.

— Мужчина, войдите в вагон, поезд отправляется! — раздался за моей спиной жесткий голос проводницы.

С сожалением посмотрев на великолепную зеленоглазую кошку, я поспешил к двери уже дернувшегося состава. «Ладно, — успокоил я себя, — на обратном пути обязательно куплю ей такую же красавицу», — и, возвратившись в купе, тут же разделил напополам свои небогатые командировочные и отложил в отдельный карман деньги на ее покупку...

...Тирасполь — это не просто внешне красивый собой город, но географическая точка, в которой явно чувствуется некая разлитая повсюду (или исходящая из недр земли) благодать, что-то сродни тем биоэнергетическим полям, на поиски которых люди отправляются на Алтай и в Тибет. Здесь фактически нет проституции (хотя в любой из гостиниц России, где мне пришлось жить во время своих многочисленных командировок, едва только переступаешь порог номера, сразу же раздается звонок «бригадирши», предлагающей интимный отдых с девочками, — и подобными предложениями тебя там терроризируют круглыми сутками). Здесь я также не видел ни пьяной молодежи, ни уличных драк, не встречал бомжей, беспризорных и нищих. Стоят, правда, в центре города несколько благообразных старушек с кружечками для милостыни, но и те воспринимаются больше как следование московской моде.

Зато какие повсюду разлиты покой, тишина, ароматы цветов, птичье пение и стрекот цикад, как ярко белеют среди сверкающей в потоках южного солнца листвы корпуса пятиэтажных домов, как завораживающе притягивают к себе взгляд зеленые воды Днестра! Я не смог удержаться и написал здесь большое стихотворение, которому дал название «Приднестровский постмодерн». Вот оно: «Чуден Днестр при тихой погоде, / пляжи его многолюдны и полны. / Девушки раздеваются при народе / и окунаются в теплые волны. // Жметса от солнца под ивы свежесть, / клены канадские душно дышат. / Из-под моста вылетая, стрежень / белых барашков отару колышет... // Когда же, как стадо, рванув из хлева, / пойдут вдоль него бэтээры с гулом, / Днестр наливается черным гневом / и напрягается, словно дуло. // Жизнь не щадя, не ценя седины, / пули над ним загудят, как улей... / Редкая пуля до его середины / долетит, не столкнувшись со встречной пулей. // Век, наподобие постмодерниста, / топит все смыслы в кровавых хохмах. / Рушит все наши святыни вниз он, / вместо морали суя сыр «Hohland». // Долго мы строили дом для счастья, / каждый свой шаг сверяя по Ленину. / Смотрим — опять урод получается, / какого не выдумать и Пелевину...»

Я стоял на горячем песке и смотрел на белеющий на противоположном берегу реки Дом правительства, парк, памятник взлетающему на коне генералиссимусу А. В. Суворову, сверкающие золотом на солнце купола возведенного в 1999 году храма Рождества Христова, застывший на пьедестале танк Победы.

Господи, да каким же это надо быть чудовищем, чтобы стрелять по этой удивительной красоте? Это же не город, это поэма солнца, воды и винограда, которую шептывает листвой платанов и акаций горячий ветер...

Вечером, выйдя с Юрием Лопусовым прогуляться по приднестровской столице, я пораженно остановился... Вокруг, точно в далеком тихом селе, раздавались переливчатые трели сверчков. Запах южных деревьев, шелест листвы и звуки ночных цикад сами не могли не запроситься в строчки еще неведомого стихотворения, которое я, остановившись под фонарем, записал в блокнот: «В Тирасполе ночном поют сверчки. / В столице

тихо, как на сеновале, / где мы однажды, сбросив рюкзаки, / у бабки в турпоходе ночевали. // Вокруг, как море, бушевал июнь, / вздымая к звездам запах разнотравья. / Я был влюблен в весь мир тогда и юн, / не ведая о будущем бесправье. // Теперь стою — и небо до зрачков, / скрывая свет в грядущем, опустилось... / Ночной Тирасполь. Музыки сверчков... / Неужто мне полжизни — лишь приснилось?..»

По окончании отзвучавших праздничных мероприятий и встречи с Президентом Приднестровья Игорем Смирновым нас отвезли на вокзал. Обратный поезд на Москву отходил из Тирасполя в 2.12, а спустя каких-то 30—40 минут нас ожидала по пути самая придирчивая, по рассказам всех ездивших через нее, таможня в Кучурганах, где молдавские таможенники обшаривают все до единой сумки и отбирают у пассажиров каждую лишнюю бутылку коньяка (норма вывоза — две бутылки).

«Сядем в Тирасполе ночью глубокою / в поезд, идущий к Москве, / чтобы, по-русски колесами окая, / в вязкой поплыть синеве... // В утреннем воздухе смутно завидится / станция, как в мираже. / То ль это Жмеринка, то ль это Винница, / то ли Казатин уже?..»

Не знаю почему, но дорога почти всегда навевает мне рифмы, у меня даже сложилось такое ощущение, что поэзия висит над землей, точно дождевые облака, и всякий раз, попадая в такую поэтическую «зону», оказываешься орошенным ею, точно «слепым» летним дождичком. А выехал из-под такого «облачка» — и опять «сухой», опять говоришь и мыслишь прозой... Вот и сейчас так же — стоило только увидеть мне название промелькнувшей за окном станции Семиполки, как откуда-то из творческих уголков подсознания моментально выпорхнуло легкое, словно бабочка, и не обязывающее ни к продолжению, ни к поиску какого-то скрытого смысла четверостишие: «На платформе Семиполки — / люди злые, словно волки, / в ожиданье электрички / воют в небо по привычке...» А какое-то время спустя пришли уже совершенно иные по настроению и теме строчки: «Я проехал Посемье, Посулье, / все пытая себя: как же так, / что по всем этим землям, по судьбам — / перестройка прошлась, точно танк?..»

Но писать о перестройке и ее черных делах мне не захотелось. Я вообще считаю, что сегодняшняя литература должна нести в себе больше света, а не обличений. Это в первые годы нашего противостояния либеральному нашествию было необходимо объяснить людям, кто есть кто и что есть что в современной политике и экономике, а сегодня все уже и без писательского слова видят, насколько им легче стало жить от покупки Абрамовичем английского футбольного клуба «Челси» и как сильно облегчило жизнь стариков приобретение Вексельбергом яйца Фаберже. А потому сегодня надо писать не о том, как все вокруг стало плохо, а о том, что надо делать, чтобы стало лучше. Нужно напитывать душу читателя верой и оптимизмом, поддерживать в нем высасываемые рынком силы, столь необходимые ему как для борьбы за Россию, так и для продолжения своей собственной судьбы...

Увидев, что поезд подходит к станции Сухиничи, я накинул кофту и вышел в тамбур. Едва проводница открыла наружную дверь, я выскочил на платформу и завертел головой в поисках куклоносов. Надо же, в прошлый раз вдоль всего поезда ходили целые отряды продавцов медведей и зайцев, а сегодня ни одного не видно...

И в это время я увидел впереди женщину с двумя белыми котятками в руках. В свете фонарей волшебным образом посверкивали крупные изумрудные глазищи. Не дожидаясь, пока она дойдет до моего вагона, я сам поспешил ей навстречу, на ходу вынимая из кармана приготовленные деньги. Пусть уж я не успеваю возвратиться домой к сегодняшнему дню рождения своей дочки, зато, проснувшись завтра утром, она обнаружит рядом с собой на кровати великолепного белого котенка. Надо же устроить ей хотя бы маленький праздник. Тоже ведь — своего рода маленькая республика. Такая же гордая и независимая, как ПМР. Но, слава богу, признанная. По крайней мере, папой и мамой...

ЛЮБИТЬ — ЭТО ОЧЕНЬ ТРУДНО...

30 января 2003 года в Союзе писателей России проходила секция Рождественских чтений, посвященная вере и словесности. Вести ее мне помогли Сергей Перевезенцев и Валерий Миловатский (из отдела религиозного образования Московской патриархии). Среди выступавших были В. Н. Крупин, Н. М. Коняев, В. А. Чалмаев, В. Ю. Троицкий, Тамара Ломбина, а также другие ученые и писатели. Из Самары приехал наш с Мариной друг Алексей Алексеевич Солоницын¹.

Сильнее всего мне запомнилось страстное выступление руководителя миссионерского отдела Архангельской епархии о. Евгения Соколова, говорившего о полном непонимании большинством современных людей православной сути русских народных сказок. Так, например, он объяснил, что известная всем сказка про репку является не более и не менее как гимн *православной соборности*, так как для того, чтобы Кошка позвала на помощь Мышку, она должна была сначала смирить свою гордыню и попросить у Мышки прощения. В свою очередь Мышка должна была забыть все свои страхи и обиды и простить Кошку. Только при выполнении таких условий они могли стать в один ряд и совершить единое общее дело. Главная мысль в сказке — та, что заслуги всех участников вытаскивания репки независимо от приложенных каждым из них усилий (включая и Деда, и Бабу, и Внучку, и Жучку, и Кошку, и Мышку) абсолютно *равны*, и это иллюстрирует собой слова Христа о том, что у Бога нет работников первого часа и последнего часа, ибо для него важен *результат их соборной деятельности*.

Запомнилось также выступление профессора Троицкого, в котором он рассказал, как в одной из своих лекций процитировал студентам слова святого апостола Павла из Первого послания к коринфянам о сущности любви: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» (1 Кор., 13, 4—7), на что в притихшей аудитории вдруг раздался удивленный голос одного из слушавших: «Профессор! А ведь любить — это очень трудно!..»

ПОД МУХОЙ У КАЗАКА²

...Будучи как-то в Германии, я позвонил известному немецкому слависту Вольфгангу Казаку, и он пригласил меня заглянуть к нему для разговора. Мы погостили у дочери в Касселе, побывали в Версале, Реймсе и Париже, а потом, проезжая мимо Кёльна, свернули к небольшому горному селению Мух, в котором проживал немецкий профессор. Мух оказалась маленькой, вытянутой вдоль горной дороги деревней, состоящей из двухэтажных добротных коттеджей. И хотя в ландшафтном отношении дом Казака (а вернее — целый комплекс из двух больших домов) располагался даже чуть-чуть повыше, чем жилища его земляков, вследствие того, что его участок

¹ Писатель, брат актера Анатолия Солоницына, сыгравшего в фильме Андрея Тарковского «Страсти по Андрею» роль Андрея Рублева.

² Вольфганг Казак (20 января 1927 — 10 января 2003) — немецкий славист, литературовед и переводчик. Будучи взятым в плен во время войны, до 1946 года находился в советском лагере для военнопленных, где познакомился с русским языком и культурой. В 1951 году окончил Гейдельбергский университет, с 1951-го по 1953 год изучал славистику в Гёттингенском университете. С 1956-го по 1960 год работал переводчиком в посольстве ФРГ в Москве. В 1969 году стал заведующим кафедрой славянской филологии и директором Института славистики Кёльнского университета.

находится как бы уже и не в самой деревне, а на ее окраине, можно было вполне обоснованно говорить, что его хозяин постоянно пребывает «под Мухой».

Но это, конечно, шутка (слишком уж нелегко для русского словесника упускать возможность обыграть столь веселое название этой деревеньки), а вообще господин Вольфганг оказался не только не «под мухой», но и не по возрасту энергичным, порывистым для своих 75 лет, стремительным в движениях и категоричным в утверждениях человеком...

Слушать его было не только неумоительно, но как раз и интересно, и познавательно: он не боится ни свергать самим же утвержденные когда-то авторитеты, ни признаваться в какой-нибудь своей собственной неправоте. Любопытны в этом плане его воспоминания о Солженицыне, в судьбе которого ему когда-то довелось принимать довольно заметное участие, — в частности, рассказ о том, как его поразил в начале 90-х годов ответ Александра Исаевича на вопрос, почему он не возвращается в Россию, в которой в то время уже всюю шли демократические перемены.

«Пускай туда сначала возвратятся мои произведения, я посмотрю, что там будет с ними, а уже потом решу, безопасно ли мне ехать в Россию самому...» — с возмущением передал слова Солженицына профессор.

— ...Ну, как же он может чего-нибудь в отношении себя бояться, если, как он утверждает, по-настоящему *верит в Бога*? — недоумевал, размашисто вышагивая по зеленой тропинке Казак. — Я ведь говорил ему, что пока он будет присматриваться да решаться, его авторитет в России утратит всяческое значение...

По мнению бывшего профессора (а последние десять лет Казак уже больше не преподавал в Кельнском университете, хотя и вел дома небольшой литературный семинар), Солженицын не оправдал ни его собственных ожиданий, ни ожиданий всей западной общественности, так как за все время своего пребывания в США (как, впрочем, и за последующие годы жизни в России тоже) он так и не создал ничего равнозначного «Матренину двору» или «Одному дню Ивана Денисовича».

— ...И «Архипелаг ГУЛАГ», и «Красное колесо», да и практически все историко-публицистические работы Солженицына являются не более как информационными выбросами на запретные для России темы! — с какой-то прямо-таки свирепостью выкрикивал Казак посреди лесной дороги, как будто я ему в этом отчаянно противоречил или пытался оспаривать его мнение. — Это для вас материалы о лагерях и репрессиях были ранее недоступными и потому поднимали Солженицына на уровень национального оракула, а здесь из этого тайны не было, поэтому здесь от него ждали не цифр о количестве заключенных и расстрелянных при Сталине (тем более взятых им с потолка!), а *художественного* осмысления российской истории и российской действительности. Но он этих ожиданий не оправдал и ничего художественно весомого за все эти годы не создал...

— ...Не оправдал моих ожиданий и Валентин Распутин, — продолжил через несколько десятков шагов свой монолог господин Казак. — Публицистика, которую он писал все эти годы, умерла точно так же быстро, как умирают газетные статьи, а те несколько рассказов, которые он сочинил за минувшее десятилетие, являются слишком малым взносом в копилку его писательского авторитета...

Затронув случайно имена Владимира Сорокина, Дмитрия Пригова и Виктора Ерофеева, профессор тут же взмахивает рукой и брезгливо морщится:

— Ф-фу-у, это вообще вне литературы!

— Зачем же тогда немецкие слависты то и дело приглашают их в Германию для чтения лекций? — замечаю я, не в силах скрыть в голосе нотки упрека, и следом рассказываю ему о тех русских писателях, которых пока что ни он сам, ни его немецкие коллеги не знают, но которые, на мой взгляд, во много раз интереснее (причем не только как писатели, но и как личности) всех этих сотрясающих воздух германских аудиторий

концептуалистов-модернистов. Я говорю ему об авторе невыдуманного романа «Живый в помощи» Викторе Николаеве, которого молитва к Господу спасла в Афгане от неминуемой смерти, потом рассказываю об авторе повести «Черные береты» полковнике налоговой службы Николае Иванове, который пережил многомесячное заточение в яме чеченского плена, а некоторое время спустя после своего освобождения написал романы «Расстрелять в ноябре, или Вход в плен бесплатный» и «Спецназ, который не вернется», после чего поехал в Беловежскую Пущу и, разыскав там ту самую пишущую машинку, на которой был отпечатан документ о роспуске СССР, выкупил ее у библиотеки, на балансе которой она до сих пор числилась, дотащил на себе по лесной дороге до автобусной трассы и увез в качестве трофея в Москву...

Казак в восторге от услышанного, я вижу, что такие люди и такие писатели, как Иванов и Николаев, нравятся ему гораздо больше, чем эстетизирующий процесс поедания говна Владимир Сорокин или же опускающий язык русской поэзии чуть ли не до уровня жестов Д. А. Пригов.

На одном из участков дороги я случайно упомянул в разговоре кого-то из своих самарских друзей, и он аж вскинулся:

— О-о! Вы знаете город Самару, бывший Куйбышев?..

Да, я знаю город Самару, в котором я три года проработал директором областного отделения Литературного фонда России; знаю город, в котором вышли мои литературоведческие книги «Загадки литературы» и «Литература как род любви»; город, в котором я встретил свою будущую жену Марину и в котором у меня осталось несколько хороших друзей. Казаку же этот город памятен совсем с другой стороны: он, как выяснилось, оказался в нем после Второй мировой войны в качестве немецкого военнопленного и чуть было не погиб тогда в советском лагере, но здесь же, как он сам говорит, началось и его воскрешение...

Завершив нашу довольно-таки продолжительную прогулку, мы возвращаемся к дому Казака, и он приглашает меня и моих сидящих в машине спутников на чашку кофе. Но впереди у нас еще шесть сотен километров до Касселя, так что от приглашения приходится отказаться. Надо отправляться дальше, чтобы хотя бы к вечеру добраться до дома. А потому я попрощался со своим собеседником, подарил ему свой роман о тайне гибели «Курска» и две вышедшие в памятной ему Самаре литературоведческие книжки — и мы трогаем машину с места.

...А через несколько месяцев в Россию пришло известие о внезапной кончине моего собеседника Вольфганга Казака. Хороший был человек, честный...

У ГВОЗДЯ ГОСПОДНЯ

Поднял сегодня Марину, Алинку и Яну в 7.30 утра, и мы все вместе поехали в расположенный в подмосковном городе Дзержинске Николо-Угрешский монастырь, где по благословию Патриарха Алексия II на днях была выставлена для поклонения величайшая святыня христианства — Гвоздь Господень, хранившийся ранее в закрытом фонде Московского Кремля. Как говорит настоятель монастыря игумен Варфоломей, сегодня впервые за многие годы всем верующим дана возможность прийти во время Великого поста и приложиться к этой величайшей христианской святыне, через которую Господь посылает всем Свою помощь, исцеление и благодать. Ведь после революции 1917 года Гвоздь Господень был надолго упрятан от глаз православных россиян и ни разу не выставлялся для поклонения.

Вообще же история этой святыни такова. Спустя несколько столетий после того, как Иерусалим был разграблен, разрушен и сожжен дотла, царица Елена со своим сы-

ном Константином отправилась на Голгофу и отыскала там на месте казни Иисуса Христа три заваленных землей креста. Их поочередно возложили на умершую недавно женщину, и от прикосновения одного из них она воскресла. Так определили крест, на котором был распят Спаситель. Рядом же отыскивали и четыре кованных гвоздя длиной 20 сантиметров.

На сегодня известна судьба трех из этих гвоздей: один находится под куполом Домского собора в Милане (раз в год, в Страстную пятницу, его опускают для поклонения верующим), другой хранится в соборе Парижской Богоматери, а третий — в России. Когда-то он был послан святым равноапостольным князем Константином грузинскому царю Мариаму и хранился в Грузии, а в XVII веке грузинский царь Арчил привез его в Москву. С тех пор он хранился в Успенском соборе Кремля и в дни Великого поста выносился на поклонение православным, но после октября семнадцатого года эта традиция была насильственно прервана.

И вот этот самый Гвоздь Господень опять явлен русскому народу, и мы в числе многих других верующих смогли сегодня приложиться к нему и испросить себе у Господа прощения и помощи. Хотя если говорить честно, то в тот момент, когда, отстояв гигантскую очередь, я наконец-то оказался лицом к лицу перед этой святыней, то все, в чем я хотел попросить у Господа помощи, мгновенно вылетело из моей головы, и остались только немота и душевный трепет. Сознание оказалось словно бы парализовано мыслью о том, достоин ли я вообще прикладываться к такой святости, а не то что еще и выпрашивать себе у Бога какие-то особые милости? Хочется, правда, верить, что Он и без наших слов видит все то, что мы хотели Ему сказать и о чем хотели попросить, и даст каждому если уж и не по нашим заслугам (откуда они у нас?), так по Своей безграничной милости и человеколюбию...

Отстояв долгую трехчасовую очередь на холоде и еще час в храме, мы приложились к Гвоздю и выставленным рядом с ним мощам Иоанна Предтечи и Георгия Победоносца, после чего подали записочки для молебна, помолились и отправились на автобусе обратно в Москву...

Бывает, что жизнь, словно «зависший» компьютер, не отзывается ни на какие мольбы и команды, молчит в ответ — и только. И тогда единственное, что остается человеку делать, — это отложить все дела и идти за помощью в Божий храм. К Гвоздю Господнему, Деснице Спиридона, мощам и мироточащим иконам, а также другим святыням.

ГРАНИТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Не так давно прочитал где-то небольшую информацию о том, что впитанная петербургским гранитом влага сохраняется в глубине его пор и трещин (то есть внутри всевозможных питерских колонн, стен, парапетов и постаментов) в течение пяти с лишним сотен лет. Если припомнить об открытии французского ученого Жака Бенвениста, который в результате своих опытов обнаружил, что вода хранит в себе память обо всем, что в ней когда-либо побывало, то перед нами вырисуется просто фантастическая картина Санкт-Петербурга! Оказывается, этот город напоминает своими характеристиками *мокрый диэлектрик*, который теряет свои изоляционные свойства и не блокирует, а пропускает сквозь себя из-за этой своей влажности разряды электрического тока. Точно так же и пропитанный дождями и туманами пятисотлетней давности Питер пропускает сквозь себя из прошлого времени в наше сегодня энергию и память множества миновавших эпох. С учетом того, что практически весь Петербург состоит из такого вот *пропитанного влагой гранита*, этот город сегодня представляет собой сплошной *проводник памяти*, не случайно же в его поэзии столь сильно звучат исторические мотивы...